

Сяо Чао стоял у морозильной камеры, глядя на прибор, который был в несколько раз выше его самого, а затем посмотрел вниз на Цзи Ча, копающегося у его ног.

Оба родителя Сяо Чао работали на улице, и его воспитывали бабушка с дедушкой. После того, как он увидел труп своих бабушки и дедушки, он онемел. Поскольку Чжан Циньцинь заботилась о нем, теперь Сяо Чао всем сердцем полагался на нее.

Что касается других людей на фабрике, Сяо Чао, очевидно, больше принимает добрых и нежных женщин, но он все еще был очень сдержан в отношении Цзи Ча. Сам Цзи Ча очень любит детей, особенно Сяо Чао, которому всего три года, но неожиданно разумного ребенка.

Цзи Ча не запасался такими вещами, как фруктовое мороженое. В конце концов, в то время он был занят покупкой других предметов первой необходимости, так что времени думать об этом не было. Ему потребовалось много времени, чтобы достать из морозилки двухсекционное фруктовое мороженое в форме тыквы.

Цзи Ча вздохнул с облегчением, когда наконец нашел его.

Он закрыл морозилку, склонил голову и разломил эскимо пополам, и с хрустящим звуком глаза Сяо Чао проследили за ним.

— Хочешь? — Цзи Ча улыбнулся ему и протянул половину Сяо Чао.

Сяо Чао посмотрел на него, белое нежное лицо и слегка поджатые губы шевельнулись в такт его кивку, обнажив маленькую ямочку.

Чжан Циньцинь не позволяла ему есть такие холодные десерты. Сяо Чао все еще помнил, что только в очень жаркую погоду в детском саду воспитатели подавали охлажденный суп из маша, и даже бабушка с дедушкой дома не позволяли ему пить.

В глубине души он был счастлив и даже прошептал Цзи Ча перед уходом:

— Спасибо тебе, брат.

После того, как Сяо Чао закончил говорить, он убежал, боясь, что Чжан Циньцинь увидит его.

Цзи Ча подумал, что Сяо Чао очень милый ребенок, заставив его забыть о многих неприятностях. Он вышел с оставшейся половиной эскимо во рту. Он поднялся наверх, чтобы проверить обстановку на втором этаже. После этого он пошел в ванную и собирался принять ванну перед сном, когда услышал внезапное восклицание из гостиной.

Он подсознательно вздрогнул, коснулся рукой стены, отшатнулся и бросился к ней, как весло:

— Что случилось?

Несколько старейшин и Чжан Циньцинь все еще сидели внизу в гостиной и смотрели телевизор. Чжан Син и Ван Циньсюэ поднялись наверх, чтобы повозиться с компьютером после ужина.

— Телевизор выключился, — Чжан Циньцинь повернула голову, ее лицо стало серьезнее, — во второй половине дня несколько крупных телеканалов потеряли сигнал, а теперь пропало видеонаблюдение.

Цзи Ча воспользовался ситуацией, чтобы посмотреть, но на экране телевизора были только

мерцающие и прыгающие снежинки. Затем он обошел диван, наклонился, достал флешку из ящика под телевизором и бросил ее Чжан Циньцин:

— Может быть, какой-то сбой сигнала, ты сначала посмотри сериал здесь, я поднимусь наверх.

После того, как Цзи Ча закончил говорить, продолжая жевать фруктовое мороженое во рту, он развернулся и в три шага, и в два прыжка взлетел на второй этаж.

Из комнаты Чжан Син на втором этаже лился лишь слабый свет. Цзи Ча подошел и постучал в дверь. Прежде чем он постучал во второй раз, изнутри раздался ответ:

— Войдите.

Он повернул дверную ручку, наполовину приоткрыл дверь и просунулся внутрь:

— У тебя все еще есть интернет?

Чжан Син с серьезным видом покачал головой, Ван Циньсюэ держал в руках мобильный телефон, откуда слышался неясный звук трансляции.

— Сигнал телефона пропал, теперь можно использовать только спутниковое вещание.

— Изначально мы думали, что ситуация улучшится и правительство спасет нас в кратчайшие сроки, но прошло пару дней, и даже интернет исчез. Нет каких-либо признаков спасения или улучшения!

Чжан Син тихо выругался и отчаянно почесал голову обеими руками.

Именно в этот момент мобильный телефон Ван Циньсюэ, который изначально принимал широкоэмиттерные сигналы, внезапно издал большой шум.

Цзи Ча крепко держал дверную ручку, и в этот момент последние признаки связи в современном обществе, казалось, исчезли из их жизни.

Сяо Чао стоял в темном дворе. Днем ему было скучно одному, и он уже несколько раз обошел всю территорию фабрики, не забыв даже зайти в свинарник.

Куры, утки и поросята, которые иногда кричали в течение дня, с наступлением темноты вели себя тихо. Сяо Чао наклонил голову и внимательно прислушался к случайному стрекотанию насекомых, а затем все снова стихло. Ему никогда не приходила в голову мысль о привидениях, и, конечно, он не боялся темноты.

Он держал упаковку от эскимо одной рукой, и теперь ему стало немного холодно, поэтому он собирался сменить руку, пока сосал во рту, когда внезапно услышал очень легкие шаги.

Такого рода легкость – это не легкость шагов, сделанных специально, а звук шагов, слышимый на расстоянии. Сяо Чао подумал, что это немного странно. Он медленно обошел ворота, опустился на колени и выглянул в щель шириной около сантиметра.

Снаружи было непроглядно темно, Сяо Чао с большим усилием сфокусировал взгляд, попытался выглянуть наружу и смутно различил мягкую траву снаружи.

Он посасывал растаявшее эскимо, наполовину прижав ухо к земле. Дерн ночью был немного холодноватым, и Сяо Чао невольно потер уши. Глухие шаги снаружи становились все ближе.

Он доел последний кусочек эскимо и отправил его в рот.

Сяо Чао становилось все более и более любопытно из-за приближающихся звуков снаружи, и он слегка нахмурился. Что, черт возьми, там происходит?

— Сяо Чао, что ты здесь делаешь? — внезапно чья-то рука обняла Сяо Чао, закрывая ему обзор через щель в двери.

Сяо Чао повернулся и прикрыл рот Чжан Циньцинью, осторожно протянув палец к выходу и мягко махая им.

Чжан Циньцинью бессознательно затаила дыхание, трава снаружи была вытоптана, и хриплый и глухой механический вздыхающий звук из человеческого горла густо отдавался в ушах.

Чжан Циньцинью опустила Сяо Чао на землю, сама наклонилась, как и мальчик раньше, и они вдвоем едва видели правым глазом через щель в двери. За двумя рядами дверей, на небольшом расстоянии, перед их глазами покачивались бесчисленные пары обуви, бесцельно бродя взад-вперед.

Рот Сяо Чао приоткрылся, и пустой пакет из-под мороженого беззвучно упал на траву.

Чжан Циньцинью отреагировала быстро, она обняла Сяо Чао и быстро вбежала в дом.

Старейшины в доме все еще смотрели телевизор, но телевизора было едва слышно, по крайней мере, его не было слышно снаружи дома. Чжан Циньцинью ввела Сяо Чао в комнату и коснулась его лица:

— Не бойся, Сяо Чао, я пойду и запру дверь. Ты останешься здесь, не плачь и не создавай проблем, хорошо?

Сяо Чао кивнул:

— Я не буду плакать.

Две тяжелых двери снаружи уже были заперты. Чжан Циньцинью вернулась к двери здания фабрики, тщательно заперла ее и еще раз проверила занавески на всем первом этаже, только после этого она вздохнула с облегчением, развернулась и побежала наверх.

Лян Цзиньчэн вспотел как под дождем на каком-то простом тренажере, который Цзи Ча установил на верхнем этаже. Он тренировался почти два часа. Если не считать того, что с него капал пот, он не чувствовал никакой усталости.

Сегодняшнее неожиданное объятие с Цзи Ча заставило кровь Лян Цзиньчэна вскипеть при одной мысли об этом. Он боялся, что если будет чаще видеться с Цзи Ча или проводить с ним больше времени, то потеряет весь свой самоконтроль и натворит неожиданных вещей. Поэтому вскоре после ужина он избежал толпы, поднимаясь на верхний этаж.

С полузакрытыми глазами он мог видеть немного тусклого звездного света вместе со своей покачивающейся фигурой.

Одежда Цзи Ча обычно состояла из очень свободных футболок. Когда он время от времени наклонялся или бежал, он бессознательно обнажал небольшую часть своей гибкой талии. Лян Цзиньчэн заметил, что цвет его лица был немного темнее, чем в предыдущие дни, но кожа

выглядела мягче.

Лян Цзиньчэн глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь не представлять себе, как талия Цзи Ча поднимается и опускается на его теле. Ох, он сейчас взорвется от одной мысли об этом.

Творческие мысли блокировали внимание и бдительность Лян Цзиньчэна, так что через некоторое время, когда он услышал звук закрываемой двери внизу, Лян Цзиньчэн заметил, что снаружи было много хаотичного шума.

Он встал, стряхивая пот с глаз, и внимательно осмотрелся. Вокруг здания фабрики и на длинной дороге тут и там собрались почти тысячи зомби.

На лестнице послышались торопливые шаги, и Цзи Ча и Чжан Циньцинь взбежали один за другим.

Увидев Лян Цзиньчэна, Цзи Ча сразу же сказал:

— Старший, кажется, снаружи зомби.

Он бежал в спешке, некоторое время задыхался, Лян Цзиньчэн погладил его по спине:

— Да, но это не должно быть большой проблемой. Ими движет звук, и сейчас они просто проходят мимо.

Чжан Циньцинь уже взяла бинокль и посмотрела вниз. Темнота ограничивала поле ее зрения, но она все еще могла видеть плотно упакованных безжизненных живых мертвецов, продвигающихся вперед в очень медленном темпе. Фабрика — точка перегиба, через которую они проходили.

— Боже мой ... — она не смогла сдержать тихий вздох: — Я должна спуститься вниз и сказать всем, они должны вести себя тихо!

Когда мимо проходит такая большая группа зомби, как только возникает проблема, это не означает, что жертв не будет, и боевая мощь Лян Цзиньчэна, возможно, не позволит им выйти из ситуации невредимыми.

Другими словами, если бы группа зомби обнаружила их существование в это время, это было бы почти равносильно самоубийству.

Чжан Циньцинь отложила бинокль, развернулась и быстро сбежала вниз по лестнице.

Цзи Ча взял бинокль и огляделся, его лицо стало уродливым. Чувство необходимости выжить, которое когда-то принес ему апокалипсис, возвращалось в этот момент.

— Не бойся, — рука Лян Цзиньчэна сжала руку Цзи Ча, держащего бинокль, — все будет хорошо.